

«ПЕСНЯ НЕДОПЕТАЯ»

(Личность и творческая судьба Аполлона Григорьева)

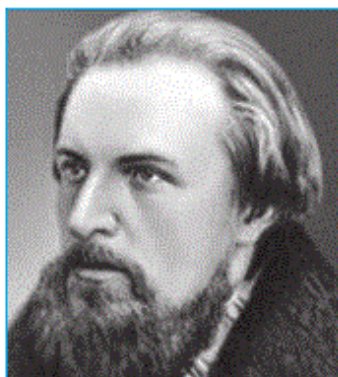
Ю.Русанов,

член Союза писателей Узбекистана.

Аполлону Григорьеву, талантливому поэту, прозаику, литературному критику, принадлежит особое место в истории русской литературы. Родился Аполлон Александрович Григорьев в 1822 г., в Петербурге, в семье мелкого чиновника.

Окончив в 1842 г. юридический факультет Московского университета, Григорьев некоторое время служил на разных должностях, но вскоре всецело отдался творческой деятельности. Его положение в литературе может показаться парадоксальным, чему виной явился обидный для него излом времени. Человека, обладающего большим, несомненным талантом, достойного находиться в первых рядах духовных лидеров эпохи, время вытеснило, по сути, на обочину общественной и литературной жизни, заставив его думать о себе как о человеке «лишнем», «ненужном». Все дело в том, что формирование мышления и мирозерцания Григорьева пало на еще не изжившую себя эпоху романтизма. А вот активно действовать человеку с душой романтика довелось в годы, когда устои романтизма подвергались активному испровержению. На смену ему пробивалось новое литературное направление – реализм, к которому Аполлон Григорьев, особенно на первых порах, не испытывал симпатии. Так складывалась неблагоприятная для жизни и, в первую очередь, для творчества ситуация.

Григорьев не был похож на литераторов своего времени, собраться по перу. Всеми гранями личности и творчества он как бы выламывался из среды тружеников литературного цеха, отсюда ощущение своего одиночества. Даже псевдоним избрал себе шокирующий – «Ненужный человек», а при непосредственном общении нередко называл себя «скитальцем».

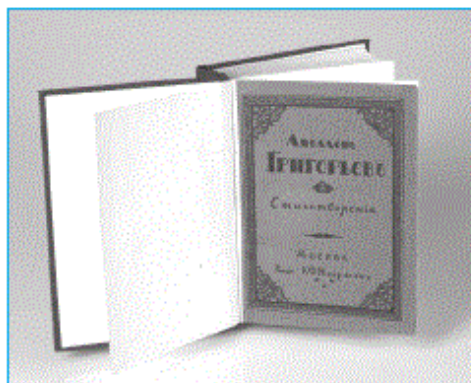
А.А.Григорьев (1822–1864)

Основные сферы деятельности Григорьева – поэзия и критика. И в той и в другой области им были достигнуты впечатляющие итоги. И все же...

Поэтическая стихия романтизма, вскормленная идеями философа Фридриха Шлегеля, кумира Аполлона Григорьева, мешала ему влиять свой голос в хор провозвестников новых принципов жизни, морали, искусства.

Как поэт Аполлон Григорьев, виртуоз формы, необыкновенно интересен. Не кто-нибудь, Александр Блок, крупнейший поэт XX века, учился у Григорьева, находил в его поэзии достоинства, предвещающие художественные открытия поэтов конца девятнадцатого – начала двадцатого века. «Во всех стихах Григорьева – тонкое чутье, песенность... Григорьев уже чуял то обаяние «ложного» стихотворного размера, который доведен теперь до бросовского совершенства», – пишет Блок в 1902 г.¹

Содержание лирической поэзии Григорьева не вызывало полного сочувствия у основной массы

читателей, тяготеющей к литературе реалистической с ее острыми социальными вопросами. Не импонировал этому читателю и герой лирики Григорьева, особенно ранней. Ведь это был «эгоист больной», одержимый «недугом злым, мучимый страданием и страстью» («К Лавинии»). Эта негативная характеристика у Григорьева устойчива. Страдание – центральная тема, она кочует из стихотворения в стихотворение в сборниках 40-50-х годов. Юрий, герой «Отрывка из сказаний об одной темной жизни», говорит о себе, что *«от природы был он эгоистом сотворен»*. Это человек *«бледный и больной»*, он *«тяжело удручен стохондрической тоской»*.²

Неразделенная, недостижимая любовь – всепоглощающая тема как ранней, так и поздней лирики Григорьева. Современникам было непонятно: «натуральная школа» со своими «больными» темами будоражила умы, а тут все любовь да любовь. Но Григорьев был не так прост, как мог показаться иным читателям и критикам. У него было свое, иное, чем у социально озабоченных певцов, стремление, может быть, более трудное, и потому достойное настоящего большого художника слова, – стремление вырваться из тенет злободневности к более существенному, а именно бытийным сторонам человеческого существования. Отсюда – утверждение «органических», то есть природных, естественных начал жизни в противовес общественным, вторичным, преходящим.

Рассмотрим стихотворение Григорьева «Женщина», созданное в 1843 г. Женский вопрос в 40-60 гг., как никогда, актуализируется, подходы к теме отличаются многообразием. Если,

например, Некрасов создает произведения о декабристках, о женщинах «русских селений», т.е. крестьянках, создает образы и тех, кого горькая нужда гонит на панель, то у Григорьева женский образ дается в аспекте отвлеченно-психологическом:

Тип героини ранней лирики А.Григорьева

*Вся сетью лжи причудливого сна
Таинственно опутана она,
И, может быть, мирятся в ней одной
Добро и зло, тревога и покой... (1,35).*

Женщина, ее суть, даны здесь в аспекте двоестроения, она становится носителем как добра, так и зла. Но таков же и лирический герой Григорьева.

В его лирике 50-х – начала 60-х годов тема любви многократно углубляется. Она осознается теперь как средоточие бытия человеческого. Эта любовь, по велению рока или жизненных обстоятельств, оказывается недостижимой, что и рождает жгучее страдание, окрашивает жизнь в трагические тона. Пример этому – цикл «Борьба», являющий собой по жанру лирический роман, который можно назвать вершиной поэзии Григорьева.

На первый взгляд, особенно в наш век, дозволительный апологию распутства, любовная си-

туация в этом цикле может показаться странной. И на самом деле: тридцатилетний лирический герой изнывает от недостижимости любовного союза с молодой девушкой. Страсть его беспредельна, а отсутствие взаимности вызывает неутолимое страдание. Это типично романтическая коллизия.

Трагическая разьединенность влюбленных – «вечная» тема искусства. Влюбленных разьединяют тернии семейно-родовых отношений, социальное неравенство, препятствия, порожденные жизненными обстоятельствами, войнами, нелепыми случайностями... У Григорьева же совсем иное, не похожее на добротню освоенные литературой коллизии. Дело тут даже не столько в разнице возраста: ему тридцать, она – «тихая девочка с женской улыбкой», «младенчески-милыми детскими речами». Главное препятствие союза – непреодолимое различие в жизненном и душевном опыте. В мысленном монологе, обращенном к предмету своих воздыханий, герой излагает главное:

...мучась и пылая.

Ни слова я не смею вам сказать

И принужден молчать, молчать, молчать!

Я знаю сам, что были бы преступны

Признанья или смысла лишены:

Затем, что для меня вы недоступны,

Как недоступен рай для сатаны (1, 96).

Она – ангел, он – сатана. Ситуация читателю знакомая по лермонтовскому «Демону». Что же поэт видит в себе скверного и потому опасного для союза с любимой-ангелом (называя ее не иначе, как «дитя»)? Гордиевым узлом жизненной и творческой судьбы Григорьева явились особенности его до крайности противоречивой личности. Биографы и критики неоднократно подчеркивали наличие в его характере враждующих начал – творчески-созидательного и бесшабашно увлекающегося всем, что может предложить жизнь, жизнь как таковая – «во все стороны», по определению А.И.Герцена.

А это и любовные страсти, и упоение будоражащим кровь искусством цыган, и бесшабашной гульбой в веселой компании. К герою подкрадывается перегрузка опытом, в котором низкие страсти обрели уютное жилище. Эта сторона души лирического героя раскрывается в «Цыганской венгерке», ставшей кульминацией всего цикла. С большой художественной силой Григорьев сумел выразить неведомый для его рационалистического века накал чувств лирического

героя, которого, говоря словами А.С.Пушкина, «настигло страшное безумие любви».

Тип героини зрелой лирики А.Григорьева

Буря чувств, что приводит в смятение лирического героя, воплощена поэтом с поразительным мастерством виртуоза. «Перлами русской лирики» назвал Александр Блок стихотворения «Цыганская венгерка» и «О, говори хоть ты со мной...». Б.Ф.Егоров – исследователь творчества Аполлона Григорьева, завершая обзорную статью в двухтомном собрании сочинений, заметил по поводу этих двух произведений: «Они стали воистину народными песнями, воистину фольклорными.» Что означает любовь, пусть неизменно несчастная, неразделенная, в зрелой лирике Григорьева? Можно сказать, что эта его главная тема выражает жизненное неблагополучие лирического героя. Она как бы воплощает исключение его из лелеемой душой романтической идиллии, она же подсказывает и скорбный по духу псевдоним – «ненужный человек».

С необыкновенной интенсивностью Аполлон Григорьев сумел проявить себя и как литературный критик. Со статьями, нередко остро полемическими, он выступал в журналах «Отечественные записки», «Москвитянин», «Время» и «Эпоха», выпускаемых братьями Достоевскими, а также во многих других изданиях.

Григорьев не чурался литературных схваток, отстаивая свои авторские позиции и метод, именуемый им «органическая критика». Суть же этого метода состояла в утверждении «мысли сердечной» и неприятии «мысли головной». Эта

система не терпела принципов детерминизма, вторжения в эстетику социальных вопросов и проблем. Не жалую теорию «чистого искусства», Григорьев тяготел к «почвенничеству», прибежищу славянофилов.

Сильная сторона Григорьева – в попытках преодоления досадной заикливости демократической критики на социальности. В плане эстетики Григорьев был совершенно прав: перебор социальных мотивов, тем, образов, что было свойственно реалистической литературе 50-60-х годов, как всякая односторонность, претил художественности. Но искусство – это не заповедная страна небожителей, оно – органическая часть общества, которое через него выражает свои насущные потребности. Вот этого-то Григорьев знать не хотел, за что жестоко поплатился.

Наиболее уязвимым звеном содержания критики Григорьева явилась проблема положительного героя. Для демократической литературы такими героями стали «новые люди» Чернышевского, Тургенева, Некрасова, Слепцова. Аполлон Григорьев, в противовес им, активно утверждает не только в критике, но и в поэзии иного героя. Наиболее яркое и талантливое воплощение такового он видел в пушкинском Белкине, Максиме Максимовиче Лермонтова, Лаврецьком Тургенева. Восторженную оценку дал Григорьев Любиму Торцову, герою пьесы А.Н.Островского «Бедность не порок» (1854).

Над эксцентричностью строк, посвященных Любиму Торцову, в свое время «много смеялись», писал Н.А.Добролюбов в статье «Темное царство». И на самом деле: этот герой в трактовке критика не мил, не величественен, а именно смешон:

*Театра зала
От верху до низу, одним
Душевым, искренним, родным
Восторгом вся затрепетала.
Любим Торцов пред ней живой
Стоит с поднятой головой,
Бурнус напялив обветшалый,
С расстрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но с русской, чистою душой.*

Далее уточняется, чем именно так дорог зрителям герой произведения:

*Не страшно – весело теперь за человека!
На сердце так тепло, так вольно дышит грудь,
Любим Торцов душе так прямо кажется путь!*

Герой пьесы Островского мудр, сердечен, добр, и все же этих драгоценных качеств мало для открытия реальных путей к достойной человеческой жизни не кучки счастливых, а всех обездоленных. Эта сторона проблемы не привлекла особенного внимания Григорьева. Тем не менее, как всей своей незаурядной личностью, так и новаторским творчеством Григорьев благотворно влиял на развитие литературного процесса, он не был случайным гостем в литературной жизни XIX века. Григорьев в немалой степени повлиял на Достоевского, особенно в период работы писателя над главным своим трудом, романом-трагедией «Братья Карамазовы». Непосредственное и чрезвычайно большое влияние оказал Григорьев на русскую поэзию и не только девятнадцатого, но и серебряного века, в частности, на Александра Блока, увидевшего в нем не только предтечу, но и родственную душу. Записные книжки Блока перестрают восторженными оценками его поэзии. Ценил Блок Григорьева и как критика, назвав в одной из статей «благоговейным истолкователем Гоголя».⁴

Сам Аполлон Григорьев хорошо понимал свою трагическую исключительность как в жизни, так и на литературном поприще. Уже в раннем стихотворении «Комета» содержится попытка осознания себя как явления необычного, дерзко-разрушительного, но необходимого миру:

*Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзвучанных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. (1,32).*

Рефреном в цикле Григорьева «Борьба» является фраза – «*песнь недопетая*». В ней – суть исполненного драматизмом жизненного и творческого пути замечательного художника слова.

Аполлону Григорьеву было дано умение заглядывать в будущее, предугадывать его живые потребности, этим он особенно дорог и ценен нам и сегодня.

¹ Блок А. Записные книжки. – М.: Художественная литература, 1965. – С.28-29.

² Григорьев Аполлон. Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М.: Художественная литература, 1990. – С.46. В дальнейшем стихотворение цитируется по данному изданию, в скобках указываются номер тома и страницы.

³ Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев – поэт, прозаик, критик. – Вступительная статья к указанному двухтомнику Григорьева. – С.25.

⁴ Блок А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве // В книге Александра Блока «О назначении поэта». Статьи, речи, заметки. – М., 1990. – С.7.